

НИКОНЪ,
Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

20 — $\frac{1}{181}$

МОНАШЕСТВО
И
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ
УЧРЕЖДЕНІЯ.

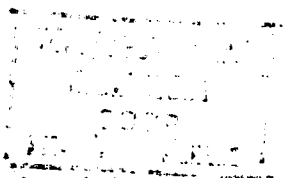

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Синодальная типографія,
1910.

2006408820

Изъ журнала «Церковныя Вѣдомости», издаваемого
при Святѣйшемъ Синодѣ, за 1909 г.

6372-07.

МОНАШЕСТВО

И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Опять поднимается вопрос, казалось бы, пять лѣтъ тому назадъ совершенно исчерпанный; опять слышится голосъ мірянина съ упрекомъ монахамъ, что они, якобы, уклоняются отъ общественной благотворительности ¹⁾.. Прискорбно, что статейка эта является послѣсѣзда монашескаго, на коемъ вопросъ этотъ разсмотрѣнъ основательно въ самомъ принципѣ и рѣшенъ отрицательно въ отношеніи открытія въ монастыряхъ такихъ благотворительныхъ учреждений, въ коихъ

¹⁾ «Церк. Вѣд.» № 32, «О благотворительной дѣятельности монастырей». Е. Поселяпинъ.

жизнь безъ правильной организаціи труда невозможна. Принято во вниманіе, что такая организація труда совершенно несогласима съ самыми элементарными требованіями правильной духовной жизни и монастырской дисциплины, и потому пришлось бы или поступаться сими требованіями въ пользу благотворительной дѣятельности въ учрежденіяхъ, или же вовсе отказаться отъ сихъ учреждений. Въ этомъ пунктѣ все старцы, участники съѣзда, были единомысленны.

Невольно возникаетъ вопросъ: почему міру, въ лицѣ даже лучшихъ его представителей, какимъ несомнѣнно является г. «Поселянинъ», такъ настойчиво хочется втянуть монаховъ въ мірскую утилитарно-общественную благотворительность? Не міру же судить: какой видъ труда наиболѣе полезенъ монаху, а съ утилитарной точки зрѣнія нельзя смотрѣть на работу монаховъ; къ тому же, монастыри и теперь немало «благотворятъ міру»: они щедро жертвуютъ на дѣла благотворенія, они содержатъ церковныя и другія школы, больницы и богадѣльни на свои средства, по-

могають посильно мірянамъ строить храмы Божіи, дѣлятся съ бѣдными спротами и убогими, имѣють стипендіатовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, питають приходящихъ къ нимъ странниковъ, дають работы безработнымъ, хотя эта работа монастырямъ и не всегда нужна... Не говорю о благовтореніи духовномъ: молитва, старчество, исповѣдь мірянъ, благолѣпное служеніе, раздача и разсылка духовно-нравственныхъ изданій... Такъ вѣтъ: всего этого мало: отдайте, говоритъ міръ, и самихъ себя, свое время, силы, способности на служеніе міру («ближнему»). Открывайте пріюты и школы для дѣтей, устраивайте больницы и служите больнымъ. Ради пользы ближняго («ради любви») можно сократить, если не совсѣмъ оставить, богослуженіе: вѣдь «на службѣ міру—на службѣ Богу»... Не бойтесь той суеты, тѣхъ не свойственныхъ иноку, но неизбѣжныхъ заботъ и попеченій мірскихъ, какія неразлучно связаны съ такимъ служеніемъ міру,—не Самъ ли Христось сказалъ: *по неже сотвористе единому братій Моисѣ меншиихъ,—Мнѣ сотвористе?* Любовь къ

ближнему, любовь къ малымъ симъ—дѣтямъ, къ несчастнымъ симъ больнымъ и калѣкамъ выше вашего поста и молитвы, вашего «созерцанія», вашихъ уединенныхъ келейныхъ подвиговъ: она восполнить все, чего неостанетъ монаху для его спасенія. Превращайтесь же въ братьевъ милосердія, въ учителей и воспитателей, въ дядекъ и нянекъ—лично, сами, не чрезъ деньги ваши служите ближнему...

Такъ или почти такъ говорятъ намъ міряне, всячески отвлекая иноковъ отъ единого на потребу. И къ этому присовокупляютъ: вѣдь все равно вы Богу не служите, какъ подобаетъ, все равно лѣниво ходите въ церковь, все равно у васъ много времени проходитъ въ праздности. Такъ лучше отдайте это время и ваши силы на служеніе нашимъ нуждамъ, нашей скудости.

Вотъ—какъ нынѣ принято выражаться,—лейтъ-мотивъ, основной тонъ всѣхъ такихъ призывовъ. Онъ слышится и въ статьѣ г. Поселянина. Стоитъ вдуматься въ этотъ мотивъ. Слышите ли вы, иноки, куда и къ чему васъ зовутъ? Васъ зовутъ

«приспособиться» къ требованіямъ міра, къ его нуждамъ; міръ хочетъ возложить на васъ часть своего бременя жизненнаго, хочетъ утилизировать, использовать васъ въ своихъ цѣляхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишитъ васъ возможности отдаться всецѣло тому, ради чего вы покинули міръ. Онъ хочетъ связать вамъ не только руки, но и ноги. Согласимся на минуту, что большинство, пусть даже—громадное большинство изъ васъ не отвѣчаетъ своему призванію, но кто же имѣетъ право лишать васъ *самой возможности* стремиться къ тому идеалу, какой вы поставили себѣ, когда шли въ монастырь? Кто смѣетъ подкладывать, по выраженію древняго пророка, возглавіе подъ локоть нашей руки, нашей лѣности и нерадѣнія къ подвигу, приижая и подмѣняя нашъ свѣтлый идеаль? Не то же ли это искушеніе, какимъ искушалъ бѣсъ преподобнаго Петра Аѳонскаго, явившись ему въ пустынѣ во образѣ бывшаго его раба и уговаривая вернуться въ міръ, чтобы тамъ служить не школярамъ и больнымъ, а—спасенію ближнихъ? Скажутъ: мы въ міръ не тя-

немъ, мы совѣтуемъ въ самыхъ обителяхъ устраивать школы и больницы. Но вѣдь и тотъ искунитель говорилъ: «и въ городахъ немало обителей, въ коихъ, если будетъ тебѣ потребно, найдешь уединеніе и отдыхъ». Вы не зовете насъ въ міръ, но вы хотите самый міръ ввести въ наши обители. А вторгнется этотъ міръ,—не станетъ для насъ уже и возможности примѣнять *наши* средства воспитанія иноческаго духа.

Увы, мы сами, отцы и братія, тому виною: видно, мы слишкомъ далеко ушли отъ нашихъ святыхъ идеаловъ, что міряне не видятъ ихъ, не вѣрятъ въ возможность ихъ осуществленія для насъ, почему и зовутъ насъ въ сторону отъ нихъ,—приглашаютъ спасать наши души тѣми путями, какіе имъ, мірянамъ, свойственны. Вѣдь на сихъ путяхъ мы лишимся самой возможности «всяцѣмъ храненіемъ блюсти свое сердце»: хотимъ ли, или не хотимъ,—мы вынуждены будемъ подчиниться тѣмъ требованіямъ, безъ коихъ невозможна дѣятельность благотворительныхъ учреждений. Можетъ быть, для міра и бу-

дуть эти учрежденія «благотворительными», но для насъ-то они будутъ вредными. Нельзя сдѣлать ихъ *нормой* нашей жизни, нашего подвига. Они допустимы, лишь, какъ исключеніе изъ общаго правила, какъ неизбѣжная необходимость; и то, — главнымъ образомъ, больницы, но и больницы, не какъ учрежденіе для «общественнаго пользованія», а лишь для братіи и «странноприходящихъ», какъ говорится въ житіяхъ святыхъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ заботы о насъ же, міръ стремится утилизировать насъ, поработить себѣ монашество, и тѣмъ лишить его возможности идти своимъ путемъ безпреткновенно. И если бы статья, о коей у насъ теперь рѣчь, не была написана извѣстнымъ благожелателемъ монашества, то мы въ правѣ были бы заподозрить въ ней, — да простить намъ это авторъ, — масонскій заговоръ противъ самой сути монашества. Подумать только, что станется съ нашими обителями, если онѣ заведутъ у себя «благотворительныя» учрежденія, въ коихъ должны работать монашествующіе. Богослуженіе сократится въ нихъ до минимума.

по подобію приходскихъ церквей (примѣръ—Кіевскій Покровскій женскій монастырь), старчество изсякнетъ вовсе, духъ его отлетитъ, монахи омірщатся, забудутъ объѣты о блюденіи сердца и совѣсти въ отношеніи помысловъ и внутреннихъ движеній сердца. Самая совѣсть станетъ снисходительнѣе, покладистѣе. Монастыри просто обратятся въ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, такъ и народъ будетъ смотрѣть на нихъ. Того ли ищетъ, того ли ждетъ народъ отъ родныхъ своихъ обителей? Онъ смотритъ на монастыри, какъ на мѣсто благодатнаго воспитанія своего духа; онъ ищетъ здѣсь исцѣленія не тѣлесныхъ своихъ недуговъ, а душевныхъ,—ищетъ именно вотъ этихъ нашихъ благолѣпныхъ, продолжительныхъ, истово исполняемыхъ службъ, жаждетъ послушать въ церкви святоотеческихъ поученій, надѣется найти въ обителяхъ старцевъ-наставниковъ въ духовной жизни, утѣшителей въ скорбяхъ, молитвенниковъ за грѣшный міръ. И если мы не даемъ всего этого русской православной душѣ, то за это вотъ—Богу отвѣтимъ! И страшно

отвѣтимъ, если вмѣсто всего этого духовнаго добра, этой духовной милостыни народу, соблазняемъ его своими пороками! Еще надо Бога благодарить, что народъ нашъ такой любвеобильный, такой къ немощамъ нашимъ снисходительный: онъ по себѣ знаетъ, что такое грѣхъ и какъ трудно бороться съ нимъ. Да, бороться, но не тѣми средствами, какія предлагаетъ мiръ! Не учрежденiемъ въ обителяхъ нашихъ школъ, не заполненiемъ ихъ дѣтьми; не устройствомъ больницъ для мiрянъ и обращенiемъ насъ въ братьевъ милосердiя, а глубокимъ искреннимъ покаянiемъ сердечнымъ, всесовершеннымъ отреченiемъ отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ, введенiемъ всюду общежитiя и усиленнаго труда, но труда такого, который не препятствовалъ бы духовному дѣланiю, молитвѣ какъ келейной, такъ и церковной, при точномъ исполненiи всѣхъ требованiй монашества по мѣрѣ силъ каждаго изъ насъ. На монашескомъ съѣздѣ выяснено, что на первое время потребно для обновленiя жизни монашеской; вотъ объ этомъ и слѣдуетъ позаботиться какъ намъ, такъ и власти церковной.

Замѣчательно, что когда міръ говоритъ о «благотворительности» монастырей, то всегда останавливаетъ свое вниманіе только на благотвореніи внѣшнему, плотскому человеку, признавая даже безспорнымъ благомъ то, что можетъ быть употреблено и во благо и во зло, на примѣръ, обученіе грамотности. Немного такихъ писателей мірянъ, которые, какъ г. Поселянинъ или г. Нилусъ, обращаютъ вниманіе на благотвореніе *души* мірянина. Но и г. Поселянинъ, какъ видно изъ разбираемой нами статьи, искушается тѣмъ же искушеніемъ, рекомендуя открывать въ нѣкоторыхъ обителяхъ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія. Но вѣдь благотворительность душѣ настолько выше благотворительности тѣлу, насколько душа цѣннѣе въ очахъ Божіихъ бrenнаго тѣла, духъ выше плоти, вѣчная жизнь цѣннѣе временной. Не слѣдуетъ ли изъ сего, что если ужъ благотворить, то должно благотворить больше душѣ, нежели тѣлу? Мы уже видѣли, что и народъ нашъ ждетъ отъ обителей именно *такого рода* благотворительности, и тѣмъ обязательнѣе для иноковъ такая благоотво-

рительность, что она не только не отвлекает ихъ отъ молитвы,—она требуетъ молитвы, какъ благодатной силы для своего осуществленія, она сливается съ требованіями самой монашеской жизни, она особенно благопотребна для міра именно *въ наше время*. О, какъ міръ теперь нуждается въ молитвѣ за себя, міръ, гибнущій во злѣ, стонущій подъ игомъ сатаны, какъ онъ нуждается въ «окормленіи», духовномъ руководствѣ, если не лично, къ чему способны очень немногіе избранные Богомъ иноки-старцы, то чрезъ печатное слово, чрезъ распространеніе духовныхъ изданій; нуждается міръ въ обителяхъ, какъ тихихъ пріютахъ духовнаго отдыха, нуждается въ этихъ долгихъ службахъ, къ коимъ,—странное дѣло,—по словамъ г. Поселянина, такъ нерасположены нѣкоторые его кандидаты монашества! Воображаю, съ какимъ сожалѣніемъ, скорбно киваютъ своими сѣдыми главами почтенные старцы-иноки, читая такія разсужденія сихъ кандидатовъ иночества: «Пошелъ бы я въ монастырь, но... однихъ церковныхъ службъ и монашескихъ по-

слушаній мнѣ мало (?!). Да и службъ въ полной мѣрѣ безъ разсѣянiя слушать не могу. Обѣдню буду съ радостью выстаивать, недлинную вечерню. Но всего, что вычитывается и выпѣвается въ строгихъ обителяхъ, не прослушаю съ полнымъ вниманiемъ и буду тяготиться. Будетъ меня отъ длинной службы (Богу) тянуть на службу людямъ. Вотъ если бы быть при больныхъ, съ удовольствiемъ бы послужилъ»...

Что это такое? Вражеское искушенiе? Самообманъ? И какiе же это кандидаты иночества, если заранѣе говорятъ, что имъ не по душѣ долгiя службы, что вотъ они еще постояли бы кое-какъ недолгую обѣдню, краткую вечерню, а отъ утрени ужъ избавьте?.. Увѣренъ, что такихъ ни одинъ настоятель, понимающiй свой долгъ, не принялъ бы, просто потому, что и отъ больныхъ они такъ же убѣгутъ, какъ бѣгутъ отъ заутрени. Вѣдь это просто — самообольщенiе: имъ нѣтъ мѣста въ монастырѣ. Не переступая порога въ обитель, они уже зрятъ всячь, въ мiръ. Такiе теплохладные новички

въ составѣ братіи вреднѣе старыхъ опустившихся монаховъ. Добрый старецъ сказалъ бы имъ: «возвращайтесь съ Богомъ въ міръ, создавайте тамъ свои учрежденія: ну тамъ хоть общины братьевъ милосердія (по части больницъ), друзей просвѣщенія (по школьной части), даже миссіонеровъ, хотя, впрочемъ, о миссіяхъ и миссіонерахъ было хорошо говорено на съѣздѣ монашескомъ. Или же—еще проще: идите добровольцами, бесплатными трудниками въ любую больницу или школу, служите тамъ ближнимъ, вѣдь тамъ и церкви есть, и душу спасти можно по вашему желанію. Не намъ съ вами измѣнять уставы святыхъ отцовъ и перестраивать монастырскій строй. Намъ бы^х помогъ Господь вернуться къ преданіямъ и завѣтамъ богомудрыхъ нашихъ отцовъ —наставниковъ иночества»...

И гдѣ это такіе люди, которые дерзаютъ говорить, будто имъ одной службы «мало», что имъ нужно еще «дѣло», какое-то особое отъ обычныхъ «дѣлъ»—послушаній монастырскихъ? Да развѣ въ общежитіяхъ-то монастырскихъ, признанныхъ на съѣздѣ

за идеаль современныхъ монастырей, мало «дѣла»? Не безпокойтесь, пожалуйста только въ благоустроенную обитель,—съ избыткомъ, до утомленія, даже до переутомленія найдется тамъ дѣло, и, если угодно, по внутреннему смыслу,—это и будетъ «благотворительность» настоящая. И писателю, и художнику, и врачу, и всякому ремесленнику тамъ дадутъ работу, соответствующую его силамъ, умѣнью, способностямъ, но такую, которая не воспрепятствуетъ ему выполнять всѣ требованія устава монастырскаго. Это—первое. Второе: пойдѣмъ въ общины, гдѣ поставлена задача служить болящимъ. Тамъ дѣло «благотворенія» съ внѣшней стороны поставлено безспорно хорошо. Каждая сестра на своемъ посту, каждая дѣлаетъ то, что ей указано. А какъ съ внутренней, духовной стороны? Въ церковь онѣ всѣ ходятъ? Да всѣ ли бываютъ и въ праздники-то, хотя бы только у обѣдни? Ихъ духовная жизнь въ большинствѣ случаевъ идетъ не лучше, чѣмъ въ міру: работаютъ, какъ заведенная машина. Если у которой и горѣло сердце тою любовью, о которой

говорить г. Поселянинъ, то эта искорка, не возгрѣваемая постояннымъ посѣщеніемъ храма Божія и духовнымъ «окормленіемъ», скоро гаснетъ подъ вліяніемъ окружающей суеты. Придетъ праздникъ, и свободная сестра (по очереди) спѣшитъ имъ воспользоваться, чтобъ навѣстить, родныхъ, отдохнуть: вѣдь наканунѣ не спала ночь,— дежурила... О духовной жизни и поминунѣтъ. Такъ вотъ въ такія общины желательно обратить монастыри? Нѣтъ, ужъ не станемъ лицемерить; пусть идеаль монастырей останется такимъ, какъ есть, какъ представляется онъ народу православному. По крайней мѣрѣ, для монаховъ не будетъ никакого повода къ оправданію въ ихъ грѣхахъ. Пусть они стоятъ наги и безответны предъ судомъ Божиимъ за измѣну своимъ обѣтамъ!

Съ болью сердца предчувствую, что мнѣ возразятъ: «а теперь-то много монахи молятся? Всегда, всѣ и у всѣхъ службъ бываютъ? Иной и теперь по недѣлѣ въ церкви не бываетъ». Къ несчастью, и въ этомъ есть доля правды, и защищать лѣнливыхъ не слѣдуетъ. Но вотъ именно для вящаго

ихъ обвиненія предъ ихъ же совѣстью и предъ церковною властью и не слѣдуетъ поблажать ихъ лѣности къ молитвѣ церковной. Не слѣдуетъ давать имъ *поводовъ* къ самооправданію. Теперь таковыя являются преступниками противъ устава обители, теперь дѣятельный настоятель можетъ воздѣйствовать на ихъ лѣнивость энергическими мѣрами взысканія дисциплинарнаго. А тогда лѣнивецъ не безъ основанія скажетъ: «я только что вернулся съ урока, я сейчасъ только кончилъ дежурство въ больницѣ: надо же и отдохнуть». Онъ даже можетъ пригрозить настоятелю своего рода забастовкой: «если будешь принуждать—уйду». А это значитъ, что школа останется безъ учителя, дѣти безъ присмотра, больные безъ фельдшера и врача... Поневолѣ настоятель смирится предъ такимъ, будетъ молчать, иначе вѣдь «благотворительное или просвѣтительное» учрежденіе перестанетъ функционировать. Не только монахъ, но и всякій добрый мірянинъ, пойметъ весь вредъ такой поблажки въ духовномъ отношеніи, вредъ, не вознаградимый никакими *пользами* отъ сихъ учрежденій.

Затѣмъ: возраженія, что монахи и теперь «бездѣльничаютъ», невольно напоминаютъ недавнія сужденія по поводу законопроекта о сокращеніи праздниковъ. «Все равно,—народъ проводитъ праздники не по-христіански, оскорбляетъ ихъ пьянствомъ: такъ ужъ лучше обратить эти дни въ будни,—пусть лучше работаетъ, чѣмъ пьянствуетъ». Разумна ли такая логика? Если законъ не исполняется, то, какъ бы онъ ни былъ полезенъ,—отмѣнить его!..

Странно какъ-то намъ, монахамъ, читать такія разсужденія: нельзя-де тискать всѣхъ людей въ одну рамку, что не всѣ люди одинаково способны къ созерцательной жизни... Но надо же понять, что никакія «живыя дѣла любви» не могутъ быть цѣнны въ очахъ Божіихъ безъ «внутренняго дѣланія», безъ работы надъ своимъ сердцемъ, безъ того, что авторъ называетъ «созерцательнымъ дѣланіемъ» и что составляетъ основу монашеской жизни, на чемъ зиждется всякое дѣланіе монаха, безъ чего всѣ его внѣшніе труды—ничто. Міръ, можетъ быть, и цѣнитъ внѣшнее, не обращая вниманія на внутреннее, а совѣсть

иноческая ставить внѣшнее дѣланіе безъ внутренняго ни во что. Дайте же иноку полную свободу всецѣло заниматься этимъ святымъ дѣломъ: онъ вѣдь для того и ушелъ изъ міра, для того и пришелъ въ монастырь. Простой трудъ физическій не только не препятствуетъ, но и содѣйствуетъ такому дѣланію, но не такой трудъ, который дѣлаетъ его рабомъ порядка, установленнаго и необходимаго со-всѣмъ для другихъ цѣлей,—порядка, коего монахъ не можетъ измѣнить, какъ бы вредно это ни было для его внутренняго чело-вѣка. Если онъ не хочетъ дѣлать сво-его монашескаго дѣла,—онъ отвѣчаетъ за то Богу, игумену и церковной власти. И чѣмъ онъ свободнѣе отъ принудительнаго, часами размѣреннаго труда, тѣмъ безот-вѣтнѣе онъ предъ ними, тѣмъ скорѣе осу-дить себя, не имѣя, чѣмъ оправдаться, тѣмъ это для него полезнѣе. Самоцѣнъ—едва ли не самый губительный врагъ монаха, а безотвѣтность отнимаетъ ту почву, на коей онъ пышно расцвѣтаетъ.

Странно читать и такія строки: «Что міръ видитъ? Часть—и меньшую—мона-

ховъ занятыми службами и келейными подвигами, которыхъ большая часть міра не понимаетъ, а часть ючти ничѣмъ не занятую». Но, прежде всего: «подвиговъ келейныхъ» міръ, слава Богу, и видѣть не можетъ—просто потому, что они «кейные», именно отъ міра-то и сокровенные: о нихъ, стало быть, и рѣчи быть не можетъ. А что міръ ихъ «не понимаетъ»,—такъ что же изъ сего? Развѣ міръ судья монахамъ? Развѣ монахъ въ отношеніи даже келейныхъ подвиговъ долженъ прислушиваться къ сужденію міра: понимаетъ ли ихъ міръ? Да міръ издѣвается надъ всѣмъ, что такъ дорого иноку; онъ не вѣритъ самой возможности дѣвства, считаетъ изувѣрствомъ строгіе посты, поклоны, всенощныя моленія, смѣется надъ смиреніемъ инока... Мало ли чего не понимаетъ міръ!..

«Міръ жадно ищетъ высокаго, чтобы ему поклониться». Но позвольте же, наконецъ: о какомъ «мірѣ» у насъ рѣчь? Міръ ли—міряне, православные христіане, или тотъ міръ, о ксемъ говоритъ Христосъ, что «міръ» и Его Самого возненавидѣлъ и насъ возненавидитъ? Если первый, міръ

православныхъ людей, то сей міръ благоговѣнно преклонится предъ высокимъ идеаломъ монашества и, сознавая его высоту, братски снизойдетъ къ немощамъ современныхъ монаховъ, поскольку это — немощи, а не грубые пороки: сей «міръ», чуждый гордости міра язычествующихъ, въ состоянія понять и сущность внутренняго подвига монашескаго и хорошо пойметъ, почему иноки такъ упорно уклоняются отъ всякой, правильно организованной въ видѣ разныхъ учреждений «благотворительности» въ своихъ обителяхъ. Сей міръ не только не осудитъ насъ за это, но и заступится за насъ предъ міромъ язычествующимъ. А о томъ, что думаетъ этотъ послѣдній — язычествующій міръ, Христа и насъ ненавидящій, ни инокамъ, ни мірянамъ — добрымъ христіанамъ не приходится и заботиться: пусть тамъ мертвецы погребаютъ своихъ мертвецовъ!

Сущность монашества — не во внѣшнемъ дѣланіи, хотя оно не только не отрицается, но въ извѣстныхъ формахъ и требуется, какъ средство, какъ помощь дѣланію внутреннему. Сущность монашества не въ благо-

твореніи чрезъ учрежденіе больницъ и школъ, не въ утилитарномъ добродѣланіи для внѣшняго человѣка, хотя не отрицается и это въ той мѣрѣ, въ какой утилитаризмъ внѣшній не вредитъ внутреннему совершенствованію человѣка. Сущность монашества во всецѣломъ преданіи себя Богу, съ полнымъ отреченіемъ всего своего я ради очищенія своего сердца, чтобъ стало оно чистою обителію Бога. Монахъ слѣдуетъ Христову призыву: «кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, возьми крестъ свой и иди за Мною». Для сей цѣли дается ему полная свобода отъ всѣхъ попеченій мірскихъ. Для сей цѣли онъ освобождается даже отъ такихъ дѣлъ благотворенія, какъ милостыня, какъ скоро она отвлекаетъ его отъ единаго на потребу, если онъ не имѣетъ возможности безъ вреда для своей души достать копейку для этой милостыни. Какъ это ни странно для «міра», но монахъ лучше сдѣлаетъ, если перескочитъ черезъ золото, валяющееся на улицѣ, чѣмъ если подниметъ его и раздастъ нищимъ. Высокъ идеаль инока, далеки отъ него мы, недостойные носители званія иноческаго,

но, Бога ради, не тяните иноковъ насильно къ тому, что свяжетъ ихъ волю, дасть слабѣйшимъ изъ нихъ «вину о грѣсѣхъ»! Не тяните ихъ туда, гдѣ они могутъ встрѣтить искушеніе паче силъ своихъ! Опустились мы, монахи, плачемъ о своей запущенности, но пожалуйте насъ, не лечите тѣми средствами, какія для васъ, мірянъ, прикладны, а намъ только повредятъ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать той сосредоточенности, какая нужна кающимся, они способны внести разсѣянность, отучить насъ совсѣмъ отъ храма Божія. Мало того: нѣкоторые изъ нихъ, являясь по существу безразличными въ нравственномъ отношеніи, напримѣръ, школьныя занятія, могутъ принести нѣкоторымъ инокамъ великій вредъ, подвергая искушеніямъ, отъ коихъ святые отцы велятъ бѣжать, какъ отъ огня,—безъ оглядки.

Опасаясь, что мірскіе люди меня не поймутъ. Но я увѣренъ, что иноки, старцы, истинные представители монашества хорошо понимаютъ, что я говорю. Пусть, кто не ясно себѣ представляетъ дѣло, прочтутъ мои статьи въ «Душепол. Чтеніи» за

1902—1904 г. въ защиту монашества ¹⁾. Тамъ я подробно раскрылъ мою мысль о несомвѣстимости правильно организованной, утилитарно - общественной благотворительности съ строгимъ уставомъ и укладомъ монастырской жизни. Тамъ есть отвѣтъ и г. Поселянину относительно пріютовъ и больницъ святителя Василя Великаго.

Здѣсь скажу только, что пріюты святителя были не просто школы для мірянъ—дѣтей: это были школы для дѣтей—*будущихъ иноковъ*. Не всѣхъ дѣтей принимали въ эти «школы», а только стремившихся къ иночеству. Не всѣ дѣти выдерживали такой своеобразный искусъ иночества, и о такихъ святитель говоритъ: «да будутъ отпущены». Ясно, что міръ не такихъ школъ требуетъ отъ монастырей: онъ желаетъ, чтобъ монастыри воспитывали дѣтей для міра же. Это уже вовсе не то, о чемъ пишетъ святитель. И міру дается

---

¹⁾ «Православный идеаль монашества», октябрь 1902 г.;—«Еще объ идеаль монашества», январь 1903 г.;—«Дѣланіе иноческое и дѣло Божіе», февраль того же года;—«Нужно читать, какъ написано», май того же года;—«За кого говорить исторія», декабрь того же года.

даже и такое удовлетвореніе въ видѣ школъ и пріютовъ, содержимыхъ на счетъ монастырей. Что сказано о школахъ, то же слѣдуетъ сказать и о благотворительныхъ заведеніяхъ для больныхъ и всякихъ несчастныхъ. Вѣдь если проводить послѣдовательно мысль, что монастыри должны заниматься гуманитарною благотворительностью въ видѣ правильно организованныхъ учрежденій *безусловно*, то придется населить ихъ и пьяницами—для исправленія, и умалишенными для ухода за ними, и глухонѣмыми, и слѣпыми..., да мало ли найдется еще всякихъ видовъ бѣдствій человѣческихъ, обуревающихъ міръ: ужели же монастыри должны для устраненія или ослабленія сихъ бѣдствій забыть то главное, ради чего иноки убѣжали изъ міра?.. *Нищизнѣ всегда имате съ собою*, говорилъ Господь нѣкогда ученикамъ, ронтавшимъ на жену, изліявшую муро на ноги Его: дайте же возможность и инокамъ, посвятившимъ себя Богу, быть настолько свободными отъ мірскихъ попеченій, чтобъ присѣдѣть у ногу Его и изливать муро слезное на пречистыя стопы Его... Вѣдь

въ этомъ смыслѣ настоящаго монашества, а не въ устройствѣ благотворительныхъ заведеній и школъ. Спасибо г. Поселянину: онъ это понимаетъ и оговариваетъ въ своей статьѣ. Плохи монахи,—пусть церковная власть гонить ихъ изъ обителей, но ужели изъ-за плохихъ иноковъ подмѣнять самый идеалъ монашества? Если бы даже все монашество поголовно никуда не годилось, и тогда—закройте вовсе монастыри, но сохраните неприкосновеннымъ идеалъ монашества. Но вѣдь это неправда: есть еще, слава Богу, есть немало добрыхъ, смиренныхъ иноковъ—носителей идеала своего, и мы имѣли великое утѣшеніе видѣть ихъ на монашескомъ съѣздѣ и возблагодарили Бога, что еще не погасъ свѣтильникъ сей, и отъ души пожелали вмѣстѣ съ ними, чтобъ разгорался онъ ярче и ярче... Даже міряне, понимающіе идеалъ иночества, не безъ скорбной заботы за цѣлость его, долгомъ почитаютъ высказаться въ его защиту. Вотъ что, напри- мѣръ, пишетъ одинъ благочестивый мірянинъ по сему вопросу:

«Развращая христіанскій міръ, духъ

дѣйствующаго въ мірѣ антихриста, одо-
лѣвъ мірянъ, набросился яростно на по-
слѣдній оплотъ христіанской нравственно-
сти и чистоты, хранителями которой при-
званы быть православные монастыри. Тя-
жесть обороны усугубляется тѣмъ, что, по
существу призванія и служенія истиннаго
монашества, оно поставлено въ невозмож-
ность защищаться тѣмъ же оружіемъ, ка-
кое противъ него поднимается: оно должно
молчать, зная и вѣруя, что чѣмъ больше
надъ его смиренно-склоненной головой из-
ливается бѣшенства, ругани и поношеній,
тѣмъ большая собирается мзда на небе-
сахъ для поносимыхъ, тѣмъ болѣе имъ ве-
селія и радости. *Аще, говоритъ Спаситель,*
отъ міра бысте были, міръ убо свое лю-
билъ бы; якоже отъ міра нѣсте, но Азь
избрахъ вы отъ міра, сего ради ненави-
дитъ васъ міръ. Не было отъ вѣка слыха-
но, чтобы люди, отказавшіеся отъ міра,
были любимы всѣмъ міромъ, чтобы на
нихъ не клеветали и не злословили. Отка-
зываясь отъ этой ненависти, возставая на
самозащиту, добываясь любви отъ міра,
служа и прислуживаясь ему мірскимъ дѣ-

ланиемъ, воспитаніемъ и образованіемъ мірской благотворительностью и всѣмъ тѣмъ, чего отъ него лицемѣрно требуетъ духъ времени, и, такимъ образомъ, забывая единое на потребу—очищеніе своего сердца, отдаваясь всецѣло внѣшнему дѣланію, монахъ *измѣняетъ* своему существеннѣйшему призванію, отказывается отъ несенія креста, взятаго имъ добровольно, отрекается отъ стяжанія царствія Божія внутрь себя, мѣняя его на царство князя міра сего, вѣка сего. Пусть бранятъ его, пусть поносятъ и въ газетахъ и въ собраніяхъ, въ домахъ и на уличныхъ перекресткахъ, пусть обливаютъ его помоями, изливающимися изъ сердца поносителей, — ему не стоитъ обращать вниманія на грязь и пустоту этой бѣшеной болтовни; пусть ее читаютъ и ею увлекаются тѣ, кому ругань эта по сердцу: вѣдь разумный и трезвый человѣкъ не остановится на улицѣ предъ пьянымъ оборванцемъ, который станетъ ругать его только за то, что онъ не такъ же замаранъ грязью, какъ этотъ пропойца» ¹⁾...

¹⁾ Кому и для чего нужны монастыри? Сергѣя Нилуса. Тр. Цвѣтокъ, № 57.

Трудъ для иноковъ необходимъ, но только такой, который не порабощаетъ себя человека, не ставитъ его въ точно опредѣленные рамки, а, напротивъ: даетъ ему полную свободу въ каждый данный моментъ оставить его и идти въ храмъ Божій на молитву или туда, куда найдетъ для инока болѣе полезнымъ игумень. Пусть это будетъ самый черный трудъ, самый тяжелый въ смыслѣ физическаго утомленія, хотя бы,—какъ говорится,—каторжный, но не строго размѣренный известными часами, не подвергающій монаха искушеніямъ въ духовномъ смыслѣ, понятнымъ только для иноковъ. Безопаснѣе и полезнѣе для инока, если этотъ трудъ, говоря ученымъ языкомъ, будетъ имѣть своимъ объектомъ не живыя души, а бездушныя вещи. Пусть монахъ работаетъ до переутомленія, пусть плоды трудовъ его идутъ на разныя благотворенія, но не дѣлайте его рабомъ внѣшняго обязательнаго порядка...

Мы, монахи, не скрываемъ ни отъ кого горькой истины, что число добрыхъ иноковъ въ послѣднее время зѣло оскудѣло въ нашихъ обителяхъ: на это указываетъ уже тотъ фактъ, что немало мужскихъ монастырей обращено въ женскіе. Въ такомъ

случаѣ, не лучше ли нѣкоторые монастыри совсѣмъ закрыть, чѣмъ преобразовывать въ какіе-то монастыри «новаго типа». Открывайте, если угодно и какіе угодно союзы, братства, общины: широка заповѣдь Божія о любви къ Богу и ближнему, но не называйте уже ихъ «монастырями», дабы не смѣшивать понятій, не подмѣнивать одно другимъ, не измѣнять основному принципу и не дѣлать уступки духу времени въ самой сущности дѣла. Въ такихъ общинахъ можно бы допустить, если хотите, и уступку—не духу, а немощамъ времени: обѣты временные, на извѣстный срокъ, какъ обрекаютъ себя на годъ, на два, на монастырское послушаніе трудники въ нашихъ сѣверныхъ обителяхъ. Исполнилъ свой обѣтъ въ срокъ и можешь уходить паки въ міръ, а если находишь себя способнымъ нести принятый крестъ, оставайся хоть навсегда. Вотъ въ такихъ общинахъ пусть бы и испытывали себя тѣ кандидаты на монашество, о коихъ говорить г. Поселянинъ. Только надо поставить все это такъ, чтобы, повторяю, съ монастырями—сихъ общинъ нельзя было смѣшивать.

Въ заключеніе скажу: напрасно почтен-

ный г. Поселянинъ взводитъ на меня и моихъ единомышленниковъ обвиненіе въ томъ, будто мы «совершенно отрицаемъ возможность и даже позволительность для инока благотворительной дѣятельности»: мы отрицаемъ *только* такую дѣятельность въ формѣ правильно организованныхъ учреждений: школъ, больницъ, пріютовъ и под. Напрасно также говорить, будто на съѣздѣ не было рѣчи о благотворительности: съѣздъ единогласно, въ лицѣ приглашенныхъ членовъ, заявилъ, что такія учрежденія въ монастыряхъ неумѣстны. Мои читатели видятъ, какъ мы, иноки, смотримъ на это дѣло: что считаемъ для себя полезнымъ, что небезопаснымъ...

Было бы желательно, чтобы на сіи мои строки отозвались, хотя кратко, на страницахъ «Церковныхъ Вѣдомостей» почтенные старцы, участвовавшіе на иноческомъ съѣздѣ. Ихъ голосъ въ такомъ вопросѣ былъ бы, конечно, авторитетнѣе, чѣмъ мой, хотя, повторяю, и я излагаю не мое личное мнѣніе, а ихъ же мудрыя сужденія.

